

зуются, с одной стороны, имперфектом для обозначения действия, продолжавшегося в прошлом, значит определенным статическим фоном (прилежание имейше велие к писанию...; со мною кротостью правяше державу свою...; попечение велие имейше...; печашеся...), с другой стороны, оба произведения пользуются аористом для постижения динамического движения, протекающего на фоне данного продолжающегося состояния (и умысли перский царь, и посла к ней). Рассказчика здесь нет, он целиком отделился от фикции, изображаемой, следовательно, как объективная действительность. Равно как в Хронике Манассии на фоне длительной деятельности (монастыре раскопавахуся) демонстрируются динамические действия (умысли, разби, раскопа, написа).²⁴

Повесть обычно открывается причастием, которое своим номинальным характером как будто выражает субстанциальное понимание времени (Давыду же обладающу—умершу же иверскому самодержцу, прият власть ненавистный кровопийца). Время как бы состоит из неподвижных предметов, в которых окаменело живое время событий прошлого. Некогда живое действие словно заколдовано в неподвижном причастии, но с помощью глаголов действия неподвижность снимается и действие на короткое время оживляется. Однако ряд номинально-причастных форм продолжает свидетельствовать о том, что время и дальше несет характер субстанции, что оно еще не стало измеряться движением точки в пространстве, что оно еще не превратилось в динамическое, исторически реалитивное время новой цивилизации.

Время еще сохраняло свой цвет и запах, будучи отчасти процессом, отчасти предметом, иногда двигаясь, иногда оставаясь на месте и излучая вечность.

Повесть же Аввакума создана в перспективном человеческом времени. Это сказывается в преобладании форм прошедшего сложного времени над формами аориста и имперфекта при отношении 34:10.²⁵ Из «повестей» XVII в. уже только «Повесть об Азовском осадном сидении» более последовательна в использовании прошедшего сложного. Другие повести — «О Савве Грудцыне», «О Юлинии Осорьбиной» — в данном отношении более традиционны, они употребляют формы аориста и имперфекта, а прошедшим сложным пользуются только во 2-м л. ед. ч. (-л еси).

Повесть о страдальцах в России	Прошедшее сложное	Аорист, имперфект
Носители действия с признаком временности (Никон, „никоняна“)	26	0
„Я, окаянной“	4	1
Носители действия без темпорального признака (вожь, владыка)	4	3
Носители действия с признаком вечности (ревнителю)	0	6
Всего	34	10

²⁴ Die slavische Manasses-Chronik. München, 1966, S. 150.

²⁵ «Повестью» можно данное сочинение считать лишь до слов «Душа моя, востани», с которых начинается проповедь; в этом неэпическом жанре временные отношения подвергаются другим закономерностям. (Для наших наблюдений «повести» мы использовали текст Сочинений протопопа Аввакума в издании «Academia», 1934).